Жаба

Колодезь был глубокий, поэтому и верёвка была длинная; она медленно навёртывалась на ворот, когда вытаскивали полное ведро. Как ни прозрачна была вода в колодце, в ней никогда не играли солнечные лучи, — они не достигали до её поверхности. По стенкам же колодца и между камнями, куда они проникали, росла зелень.

Здесь ютилась целая семья жаб; она была не туземного происхождения, а, так сказать, слетела сюда кувырком в лице старой жабы, которая была ещё жива и посейчас. Давнишние обитательницы колодца, зелёные лягушки, плававшие в воде, признали жаб родственницами и обошлись с ними, как с гостьями, прибывшими на воды. А гостьи-то взяли, да и поселились здесь совсем: жилось им тут очень вольготно, они чувствовали под собою твёрдую почву!

Старой бабушке-лягушке довелось раз совершить путешествие в ведре; она поднялась в нём наверх, но там ей показалось чересчур светло, у неё даже в глазах зарябило! К счастью, ей удалось выпрыгнуть из ведра. Шлёпс! Она так бухнулась в воду, что три дня спины у себя не чувствовала. Многого о белом свете она рассказать не могла, но знала, да это и все знали, что колодезь — ещё не весь свет. Вот старая жаба, та бы могла порассказать о нём кое-что побольше, но она никогда не отвечала на вопросы, ну, её и не спрашивали.

— Безобразная, жирная толстуха! — говорили про неё зелёные лягушки. — И детки её все в неё будут!

— Может статься! — отвечала жаба. — Но у одной из них, или у меня самой, сидит в голове драгоценный камень!

Зелёные лягушки слушали её, вытаращив глаза, но слова её им не понравились — они передразнили её и шлёпнулись на дно. Зато молодые жабы даже задние ножки вытянули от пущей важности. Каждая мнила себя обладательницей драгоценного камня и сидела возле старой жабы смирно-смирно, боясь шевельнуть головой. Но вдруг все зараз зашевелились и спросили у старухи, чем собственно им гордиться, что это за камень?

— А это нечто такое великолепное и дорогое, что и описать нельзя! — ответила старая жаба. — Носят же это ради собственного удовольствия и другим назло. Но не спрашивайте больше! Я не стану отвечать!

— Ну, уж во мне-то нет драгоценного камня! — сказала самая младшая из жаб. Она была безобразная-пребезобразная! — Да и с какой стати завелась бы во мне такая драгоценность? А если она к тому же будет сердить других, то какая мне от неё радость? Нет, мне бы хотелось только одного — взобраться когда-нибудь на край колодца и посмотреть оттуда на белый свет! То-то там, должно быть, чудесно!

— Оставайся-ка лучше на своём месте! — сказала старуха. — По крайней мере знаешь, где ты! Берегись ведра, оно раздавит тебя! А попадёшь в него — ещё вывалишься, и не всем, ведь, удаётся упасть так счастливо, цело и невредимо, как мне!

— Квак! — вздохнула молодая жаба; по-нашему, по-человечьи, это означало «ах».

Уж как ей хотелось взобраться на край колодца, поглядеть на белый свет! Её так и тянуло кверху! И вот, на следующее утро, ведро с водой случайно приостановилось перед камнем, на котором сидела жаба… Сердечко у неё так и ёкнуло, миг — и она прыгнула в ведро и погрузилась на дно.

Ведро вытянули, и воду выплеснули.

— Ах, что б тебе! — вскрикнул парень, увидав жабу. — Такой гадины я ещё не видывал! — И он ткнул её ногой в деревянном башмаке, так что чуть не изувечил бедняжку. Жаба едва спаслась в высокую крапиву. Тут она стала оглядываться: стебли стояли рядышком один возле другого, а вверху, сквозь листья, просвечивало солнышко, так что листья казались совсем прозрачными. Для жабы разгуливать в крапиве было то же, что для нас гулять в густом лесу, где сквозь листву просвечивает солнышко.

— Здесь куда лучше, чем у нас в колодце! Право, так бы и осталась тут навсегда! — сказала жаба. Прошёл час, прошёл другой, а она всё лежала в крапиве. — А что же там, дальше? Если уж я зашла так далеко, надо идти и дальше!

И она поползла, как могла скорее, и выползла на дорогу. Солнышко пригревало её, пыль пудрила, а она себе ползла да ползла через дорогу.

— Вот тут так сушь да гладь! — сказала она. — Право, тут уж больно хорошо! Мне просто щекотно от удовольствия!

Вот она доплелась до канавы, обросшей по краям незабудками и таволгою. Повыше же шла живая изгородь из бузины, белого тёрна и вьюнка. Да, много тут было цветов! Просто загляденье! Вот вспорхнула бабочка, и жаба приняла

её за цветок, который сорвался со стебелька, чтобы лучше познакомиться с белым светом. Что ж, жаба отлично это понимала! — Вот бы полететь, как он! — сказала она. — Квак! Ах! Что за красота!

Целую неделю прожила она у канавы; недостатка в пище тут не было. Но на девятый день жаба подумала: «Пора дальше! Вперёд! Поищу ещё чего-нибудь получше!» Но что же могла она найти? Может быть, подружку-жабу или зелёных лягушек! Ночью ветер доносил до неё кваканье; должно быть, поблизости жила родня.

«Как хорошо жить на свете, выбраться из колодца, лежать в крапиве, ползать по пыльной дороге и нежиться в сырой канаве! Но дальше, дальше! Надо отыскать лягушек или подружку-жабу! Без этого обойтись нельзя, одной природы мало!» И она опять пустилась в путь.

Вот она доползла до большого пруда, поросшего тростником. Туда она и забралась.

— Тут, пожалуй, чересчур сыро для вас! — сказали лягушки. — Но милости просим! Вы дама или кавалер? Впрочем, всё равно! Милости просим!

И её пригласили на вечерний семейный концерт. Восторг был полный, голоса тоненькие, — дело известное! Угощения не было никакого, только даровое питьё — целый пруд, если угодно.

— Теперь мне надо дальше! — сказала жаба. Она всё рвалась к лучшему.

Видела она над собою звёзды, такие большие, ясные, видела и новорожденную луну, видела и солнце, которое подымалось всё выше и выше.

«Я, значит, всё-таки ещё в колодце, только в большом. Надо взобраться ещё выше! Ах, меня так и тянет всё дальше и дальше, всё выше и выше!»

Вот настало полнолуние, и бедняжка подумала: «Не ведро-ли это спускается? Вот бы прыгнуть в него да подняться кверху! Или, может быть, солнце — большое ведро? Какое оно огромное, яркое! В нём бы хватило места для всех нас! Надо будет ловить случай! Ах, как оно засветилось у меня в голове! Драгоценный камень вряд ли светит ярче. Ну, его-то во мне нет, да мне и горя мало! Нет, вот подняться ещё выше, к ещё большому блеску и радости — это дело другое! Я твёрдо решилась на этот шаг, но всё-таки и побаиваюсь слегка… Шаг, ведь, серьёзный! Сделать его, однако, надо! Вперёд! Всё прямо, прямо! Знай — шагай!»

И она зашагала, т. е. поползла. Вот она выбралась на проезжую дорогу; тут жили люди, попадались сады и огороды.

— Сколько, однако, на свете разных тварей! Я их и не знавала прежде! И как велик, прекрасен самый свет! Но надо осматривать его, а не сидеть на одном месте. — И она прыгнула в огород. — Какая зелень! Как тут хорошо!

— Знаю, что хорошо! — сказала гусеница, сидевшая на капустном листе. — Мой листок больше всех здесь! Он закрывает от меня полсвета, но я в нём и не нуждаюсь!

— Кок-кок-кудак! — раздалось возле них.

Это явились куры. Они так и засеменили по огороду. Самая первая курица была дальнозоркая, увидала гусеницу на капустном листе и клюнула его. Гусеница свалилась на землю и принялась изгибаться и вывёртываться. Курица покосилась на неё сначала одним глазом, потом другим, — она ещё не знала, что выйдет из этих вывертов.

«Ну, он вертится этак не по доброй воле!» решила она, наконец, и хотела было склевать гусеницу. Жаба так перепугалась, что подползла к курице вплотную.

— Э, да он выдвигает резервы! — сказала курица. — Ишь, ползучка какая нашлась! — И она повернула прочь. — Нужен мне очень этакий зелёный червячок! Только в горле от него запершит!

Остальные куры были того же мнения и тоже ушли.

— Ну, я таки отвертелась от неё! — сказала гусеница. — Вот что значит не терять присутствия духа! Но самое трудное ещё впереди! Как мне опять взобраться на мой капустный лист? Где он?

Жаба подошла к гусенице и выразила своё сочувствие, а также радость, что её безобразие обратило курицу в бегство.

— Что вы хотите сказать? — спросила гусеница. — Я сама отвертелась от неё. Фу, на вас смотреть тошно! Оставьте меня, пожалуйста, в покое! Я, кажется, у себя дома! А, вот и мой листок! То-ли дело у себя дома! Но надо взобраться повыше!

— Да, повыше! — сказала жаба. — Выше! У нас с ней симпатия! Но она не в духе теперь — от страха. Все мы хотим взобраться повыше!

И она подняла голову как только могла.

На крыше крестьянской хижины сидел аист; он трещал языком и аистиха трещала.

«Как они высоко живут!» подумала жаба. «Вот бы забраться туда!»

Хижину нанимали двое студентов. Один был поэт, другой натуралист. Один радостно воспевал всё сотворённое Богом так, как оно отражалось в его сердце, воспевал в кратких, ясных и звучных стихах. Другой вникал в самую суть вещей, готов был даже распотрошить их, если на то пошло. На весь мир Божий он смотрел, как на огромную арифметическую задачу, производил вычисления, хотел выяснить себе всё, понимать всё, говорить обо всём разумно, — всё в мире было, ведь, так разумно. Он и говорил обо всём разумно и с увлечением. Оба были добрые, весёлые малые.

— Вот славный экземпляр жабы! — сказал натуралист. — Надо её в спирт посадить!

— Да у тебя уж две сидят! — сказал поэт. — Оставь её в покое! Пусть наслаждается жизнью!

— Да уж больно она безобразна! Прелесть просто! — сказал первый.

— Вот если бы можно было найти в её голове драгоценный камень, я бы сам помог тебе распотрошить её! — сказал поэт.

— Драгоценный камень! — повторил натуралист. — Силён же ты в естественной истории!

— А разве не прекрасно это народное поверье — будто жаба, эта безобразнейшая тварь, часто скрывает в своей голове драгоценный камень? Разве с людьми не бывает того же? Какой драгоценный камень скрывался в голове Эзопа, а в голове Сократа..?

Дальше жаба ничего не слыхала, да и из того, что слышала, не поняла половины. Друзья прошли, и беда на этот раз миновала её.

— И они говорили о драгоценном камне! — сказала жаба. — Хорошо, что во мне его нет, не то не избыть бы мне неприятности!

На крыше опять затрещало. Аист-отец держал семейную речь, а семья его косилась на двух студентов, гулявших по огороду.

— Человек — самое чванное создание! — говорил аист. — Слышите, какую трескотню завели! А настоящего-то всё не выходит! Они чванятся своею речью, своим языком! Хорош язык, который, чем дальше едешь, тем меньше

понимаешь! Вот у них как! Один не понимает другого. А наш-то язык годится всюду — и в Дании, и в Египте. И летать они не умеют! Правда, они мчатся с места на место, благодаря своему изобретению — железной дороге, да часто ломают себе шеи! У! мороз по клюву пробирает, как подумаю об этом! Свет простоял бы и без людей! Мы без них отлично бы обошлись! Оставили бы нам только лягушек, да дождевых червей!

«Вот так речь!» подумала жаба. «Какой он важный и как высоко сидит! Никого ещё я не видала на такой высоте!.. А как он умеет плавать!» — вырвалось у неё, когда аист широко взмахнул крыльями и полетел.

Аистиха же продолжала рассказывать детям об Египте, о Ниле, о бесподобной тамошней тине. Всё это было так ново для жабы.

— Мне надо в Египет! — сказала она. — Только бы аист взял меня с собою! Или хоть один из птенцов! Я бы уж отплатила ему чем-нибудь! Да я таки и попаду в Египет: счастье мне везёт! Право, это стремление, эта тоска, что во мне, лучше всякого драгоценного камня в голове!

А в ней как раз и сидел этот камень — эта вечная тоска, стремление к лучшему, стремление вперёд, вперёд! Она вся светилась ими.

В эту минуту явился аист. Он увидал в траве жабу, слетел и сцапал её не особенно-то деликатно. Клюв сжался, в ушах у жабы засвистел ветер… Неприятно это было, но зато она летела вверх, в Египет!.. Она знала это, и глаза её засияли; из них как будто вылетела яркая искра.

— Квак! Ах!

Жаба умерла, тело её раздавили. Но куда же девалась искра из её глаз?

Её подхватил солнечный луч и унёс — куда?

Не спрашивай об этом натуралиста, спроси лучше поэта. Он ответит тебе сказкой; в ней будут упомянуты и гусеница, и семья аиста. Подумай! Гусеница превращается в прелестную бабочку, аист летит над горами и садами в далёкую Африку и всё же находит кратчайшую дорогу назад, в Данию, на то же место, на ту же крышу. Да, это что-то сказочное, и всё-таки это правда. Спроси хоть у натуралиста, и он скажет то же самое. Да, ты и сам знаешь, сам видел всё это!

Ну, а драгоценный-то камень из головы жабы куда девался?

Поищи его на солнце! Взгляни на него, коли можешь! Но блеск солнца нестерпим. У нас нет ещё таких глаз, которыми бы мы могли зреть всю

красоту, созданную Богом, но когда-нибудь мы обретём их. То-то будет чудесная сказка: мы сами будем в ней действующими лицами!